

3. Основные черты советской модели экономики

После вынужденного непродолжительного отступления в период НЭПа (В. Ленин честно заявил о провале политики “военного коммунизма”, после которой была сделана попытка эксперимента в духе “рыночного социализма) большевики с конца 20-х годов вновь вернулись к командно-административной модели, сделав её классической. Правда, для повторного уничтожения рынка в нашей стране, начиная с 1929 г. – года “великого перелома”, надо было не только провести сталинскую индустриализацию и коллективизацию, но и продолжить невиданный в мире геноцид, уничтожив заодно и первое поколение большевиков, так называемых “старых большевиков”, или ленинскую гвардию. Им на смену пришли “новые большевики”¹. Известный знаток становления тоталитарного режима в СССР П. Струве писал: “Этот строй восторжествовал в результате гражданской войны и утвердился при помощи небывалого террора ... осуществившего “тотальное” истребление реальных потенциальных противников нового режима”².

К концу 20-х годов в государственной собственности была крупная промышленность, весь транспорт, почти вся кредитная система, в частной собственности находились почти всё сельское хозяйство, около $\frac{1}{3}$ промышленности (прежде всего группа “Б”), значительная часть розничной торговли и незначительная часть кредитной системы (общества взаимного кредита). Рынок был завален товарами, производство росло быстрыми темпами, жизненный уровень населения был уже заметно выше, чем в довоенном 1913 г. В политической жизни страны шли острые дискуссии, активно проявляли себя как левый, так и правый уклоны (впоследствии на вопрос, какой уклон хуже, Сталин ответил ставшей знаменитой фразой: “Оба хуже”). Все это не создавало гарантии для абсолютной авторитарной власти И. Сталина и его приспешников. Поэтому волевым порядком был осуществлен перелом власти в направлении возврата к методам и модели “военного коммунизма”, перестройки экономики страны на путях индустриализации и коллективизации. Для первого необходимо было резко усилить хозяйственную вертикаль власти, особенно Госплан, централизованное планирование, для второго – силовые структуры, в частности, НКВД, способные насильственно загнать крестьян в колхозы и совхозы. И то, и другое было не просто шоковой терапией, а чудовищной встряской страны и общества с главной целью – поставить их в полное подчинение, под полный контроль одного ХОЗЯИНА-ДИКТАТОРА, создать в стране тоталитарный, диктаторский режим.

Это была очередная революция сверху, ознаменовавшая переход от революционной диктатуры “старых большевиков” к партийно-бюрократической, личной и идеологической, т.е. к консолидированной диктатуре “новых большевиков”, уже сложившегося сталинского аппарата. Это был сталинский “термидор”, связанный не с развитием рынка или капитализма, а с появлением нового слоя руководителей и хозяев. При этом, как и в годы “военного коммунизма”, использовались чрезвычайные военные и мобилизационные методы принуждения.

Известно, что Сталин не любил интеллигенцию, не уважал умственный труд. Руководил страной железной рукой по принципу главаря бандитской шайки, приближал угодных, уничтожал неугодных. Создал гигантскую машину обработки людей в нужном ему духе подчинения и преклонения, насилия над людьми, над личностью. Со временем без идолизации вождя, система, казалось, просто не сможет работать. Работал отрицательный принцип подбора кадров: чем более низки и беспринципны люди, готовые на исполнение любых грязных дел, тем выше пост они занимали. В группах руководителей типичной была круговая порука. Ориентация не на закон или совесть, а на интересы и мнение начальства, на групповые интересы, на личные симпатии, антипатии и взаимные выгоды. Выше всего ставился не

¹ Справедливости ради, надо сказать, что в годы НЭПа, несмотря на допущение рыночных отношений в экономике, большевики сохраняли и укрепляли все столпы новой экономической модели, созданной в годы “военного коммунизма” – партию, хозаппарат и ОГПУ при господстве государственной собственности.

² См. Независимая газета. 13 марта 1998 г.

профессионализм, а преданность идее, “делу партии и народа”, т.е. интересам вождя, особенно высоко ценилась лояльность. Потенциальные соперники или критики убирались решительно.

Славословие вождя, партии, партийной идеологии и “успехов социализма” было всеобщим и ошеломляющим. Сталин был всем: вождем, рулевым, гением всех народов и всех наук, идеей, идеологией, вашим личным советником и спасителем, т.е. Богом. Съезды, конференции и собрания превратились в массовые зрелищные мероприятия, захватывавшие всю страну. Показные красочные военные и спортивные парады на Красной площади, жизнерадостные и патриотические фильмы и песни стали эмблемой того времени. Но при этом никаких прав у людей не было: ни свободы мысли или выбора, ни на забастовки или политические группировки, ни на критику системы или инакомыслие. А правящая верхушка страны, связанная круговой порукой, постепенно затвердевала и превращалась в неприступную касту, купаясь в неслыханных привилегиях и паразитируя на ничего не понимающем народе.

Было ли что-либо подобное в истории? С такой силой, размахом и в масштабах такого народа и такой страны – конечно, нет. КГБ – прямой наследник ВЧК — превратился не только в личную гвардию вождя, в главный орган и инструмент террора, но и в составную часть всей политической власти, в её особый теневой кабинет. Воля и разум миллионов людей были либо раздавлены, либо пущены в нужное правителям русло. Оголтелая партийная пропаганда оболванивала людей, как хотела, библиотеки очищались от неугодной литературы.

Всё это примеры насильственной большевистской коммунизации страны на основе, как мы видели, марксистско-ленинской теории и идеологии. Личность и совесть были не нужны. Нужны были иные, “современные” качества – послушание, дисциплинированность, безусловное выполнение указаний сверху. Не Сталин и партия для народа, а народ для них. К тому же народ должен был постоянно славить вождя и партию за “мудрое руководство” и “успехи в строительстве социализма”. Отвергалась как буржуазная и даже высмеивалась как какая-то чужья идея правового государства, гражданского общества.

В 30-е годы КГБ получил ещё большую власть, став своего рода теньвым правительственным кабинетом и огромной машиной по проведению массовых репрессий. Повсюду работали “особые совещания”, “двойки” и “тройки”, специальные присутствия, подписывающие массовые расстрелы. В масштабах огромной страны с разбивкой по областным организациям в КГБ составлялся спускаемый сверху план расстрелов. Ежов, Ягода, Берия стали страшными символами классового геноцида и кровавого фундаментализма.

Пик репрессий пришёлся на 1937 год. 30 июня этого года Нарком внутренних дел СССР Н.Ежов подписал приказ о борьбе с антисоветскими элементами, в котором говорилось: “Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой и подрывной работой против основ советского государства”³.

Всё это находило оправдание и поддержку не только в руководстве страны, но и у советских правозащитников, которые поэтому автоматически становились не только участниками, но и организаторами преступлений. Вот что говорил, например, Генеральный прокурор СССР А.Вышинский: “...Бывают такие периоды, такие моменты в жизни общества и в жизни нашей, в частности, когда законы оказываются устаревшими и их надо отложить в сторону”⁴. А один из ближайших соратников Сталина, Л.Каганович, очень чётко определил суть созданного в стране общественного устройства: “Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьёз о правовом государстве и тем более применяет понятие “правовое государство” к Советскому государству, то это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве”⁵.

Советские люди всё это безропотно терпели и в большинстве своём поддерживали. Сопrotивление, конечно, было, но масштаб его был незначительным и, главное, оно подавлялось обычно в самом начале и в самом корне. Настолько тотальной была слежка.

Сопrotивление чаще всего носило не прямой, а косвенный характер. Работали театры и филармонии, ставились порой великолепные классические и современные спектакли и концерты. Чтобы хоть как-то уйти от суровой действительности на работе и в учёбе многие люди, особенно интеллигенция, регулярно ходили на них, получая истинное духовное удовлетворение. Многим это заменяло хождение в церковь.

³ См. Е.Альбац. Мина замедленного действия. Приложение.

⁴ Там же, с. 70.

⁵ См. “Известия”, 8 июля 1991 г.

Широкое распространение, начиная с 60-х годов, получил коллективный туризм. В туристских песнях обычно под гитару, в походах и массовых туристских тусовках молодежь ощущала чувства и атмосферу свободы и человечности, что напрямую не направлялось против социализма или существовавшего режима в стране, но всё же было противно им. Это подрывало режим и власть изнутри.

В публицистических и литературных выступлениях советских писателей появлялись произведения, так или иначе противостоящие духовным и идеологическим партийным постулатам. Сначала – это Ахматова и Зощенко, затем Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Окуджава, Черниченко, Шатров и др. Их публикации советская интеллигенция ожидала с нетерпением и встречала с искренним восторгом.

Но более прямая критика советского тоталитаризма содержалась в ряде произведений советской симфонической музыки. Так, великий Д.Шостакович в своей знаменитой 7-й симфонии нарисовал образ не только фашистского нашествия, но и советского тоталитаризма. В своей 9-й симфонии он дал музыкальный портрет Сталина. А другой музыкальный гений, С.Прокофьев, в своей симфонии для виолончели с оркестром цитирует в нелепо искажённом виде известную песню о Сталине (“Горный орел”).

Однако не это было главным при реальном социализме. Масштабы расправ и репрессий не поддаются какому-либо определению. Практиковались регулярные чистки среди членов партии, работников управленческих организаций и т.д. По существу всё это было продолжением гражданской войны, развязанной большевиками, их беспощадной войной с собственным народом, который этого не понимал. Но из своего чрева он выдал огромную армию доносителей и палачей, которые тоже считали себя строителями социализма.

Выступая на XIV съезде партии в 1925 г., секретарь Центральной контрольной комиссии говорил: “... Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т.е. смотреть и доносить... Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доноительства, а от недоноительства... Можно быть прекрасными друзьями, но раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше – идти на доноительство”⁶.

Всё это несомненные признаки разращения и порчи нации, народа и страны. И мы, сегодняшние дети этого прошлого, заражены неизбежно и невольно многими микробами “реального социализма”.

В отличие от Ленина, Сталин менее всего был похож на революционера и на теоретика социализма. Он был прежде всего аппаратчиком, бюрократам-консерватором, реакционером аракатеевского типа. Он и формировал слой “новых большевиков”, весьма отличных от большевиков ленинской закалки. Аресты, убийства, преследования и ложь стали нормой.

Никогда человеческая жизнь не ценилась так дешево, никогда и нигде человек не был так обезличен, унижен и пригнут к земле. Люди резко переменились: появилось не только тотальное послушничество, но и забитость, покорность и безысходность. Власть сознательно культивировала в народе комплекс рабов, послушных винтиков. Но это лишь с одной стороны. С другой стороны, появились молодые активисты, всякого рода “передовики”, по которым всем остальным следовало равняться. Напористые и энергичные, они не руководствовались принципами морали, они кричали на всех собраниях, поддерживая существующий режим и преследуя лишь одну цель – сделать себе карьеру, занять руководящий пост, быть во власти.

При этом не формальным, а реальным собственником всей страны и всего народа стал Сталин, реальными собственниками средств производства в стране стали и новая, подчиненная ему, советская номенклатура, особенно высшие партийные и министерские чиновники, а также директора заводов. Они распоряжались всем и вся, делали всё, что хотели, став эксплуататорами своего народа. Они, по существу, и поделили между собой всю советскую экономику.

Свой план захвата единоличной власти Сталин стал осуществлять вскоре после назначения генеральным секретарем ВКП(б) на 11-ом съезде партии (1922 г.). Он сразу понял, что тот, кто будет управлять партийным и советским аппаратом, тот и будет реально править партией и страной. И к этой цели он шёл медленно, но верно, проявив несокрушимую волю и энергию, удивительную изворотливость и хитрость, не пренебрегая ничем⁷. По существу Сталин, как и Ленин, осуществил свою революцию, отказался от старых кадров, подготовил свои более надежные, сначала отбросил, а затем и ликвидировал оппозицию, построил собственный военный коммунизм.

⁶ См. А.Латышев. Рассекреченный Ленин. М., Изд. “Март”, 1996, с. 223.

⁷ См. Александров. Кто правит Россией? Изд. “Парабола”, Берлин, 1930, с. 69.

В стране с широким размахом создавался культ личности единоличного руководителя страны, её хозяина – И.В.Сталина. Однако культ личности Сталина породил миллионы культов и культиков личности во всей иерархии власти, особенно номенклатурной. Начальники всех уровней стали рассматриваться как высший слой общества, считалось, что они не только способны грамотно управлять делом, но и заботиться о своих подчиненных, предвидеть перспективы. Народу внушалось, что начальники ведут его правильной дорогой, постоянно думая о нём, как старший брат о младшем. К начальникам и их должностям внушались преданность и беззаветная любовь. Всё это должно было отражать “единство партии и народа” (ибо, чтобы стать начальником, надо было быть членом партии), стабильность внутривластной обстановки в стране. Но начальство часто менялось и даже объявлялось предателями, вредителями и шпионами, на их место приходили другие, ещё более “правильные”. И народ подобострастно принимал и их. Бюрократический аппарат сохранял свою силу и власть. Угодничество и подобострастие, моральное разложение также сохранялись. И лишь после XX съезда КПСС и известного доклада Н.С.Хрущёва о разоблачении культа личности Сталина народ начал кое-что понимать в сути “нового передового строя”.

Большую роль в новом социалистическом строительстве играло централизованное планирование. С самого начала планы носили директивный характер и содержали явно завышенные задания, которые и не могли быть выполнены. Однако тут же была введена система постоянной фальсификации всей отчетности на базе так называемых сопоставимых цен 1926/27 г., включая практику приписок в “социалистическом соревновании”, которая позволяла постоянно “рапортовать” о достигнутых успехах. Объём отчетной продукции вздувался и за счет оценки новой продукции в ценах освоения, включения в итог потерь и других факторов. В целом темпы роста промышленного производства в 30-х годах превышали более чем в 2 раза, национального дохода – почти в 2 раза⁸. Как сказал великий поэт, поистине “тмы низких истин нам дороже, нас возвышающий обман”. ЦСУ СССР подтасовывало цифры, и все были довольны: верхи тем, как успешно они всем руководят, низы тем, как хорошо и счастливо они живут, особенно на мрачном фоне западной действительности.

Статистические органы страны, как и все иные советские ведомства, ориентировались на интересы правящей клики, предвидели и предвосхищали настроения и мнения своих руководителей и умело старались им угодить. При этом широкомасштабный поток угодничества и корыстолюбия снизу порождал эффект незнания истинного положения дел в стране у её правящей верхушки.

Как свидетельствует академик Н.Петраков, советские руководители жили под информационным колпаком и не знали многих реалий. “Этот информационный колпак, под которым постоянно находились почти все руководители нашей страны, это нежелание узнать правду, реальное положение вещей... характерно вообще для политического строя, созданного большевиками. “Если факты противоречат теории, тем хуже для фактов” – это позиция, восходящая ещё к ленинским временам. Точно так же вёл себя и Сталин, затем Хрущёв и Брежнев. Правду скрывали от народа, но парадокс заключается в том, что правду скрывали и от самих себя. Информационные фильтры ставились на пути руководителя с тем, чтобы он получал ту информацию, которая ему приятна. Постепенно это стало нормой поведения как раз тех служб, которые обязаны чётко информировать руководство о происходящих событиях”⁹.

Критерием оценки при социализме стало не удовлетворение конкретного спроса, не оптимальное использование ресурсов, а выполнение и перевыполнение спускаемых сверху планов, точнее мнение начальства на этот счет. Приоритет наращивания валовой продукции, ее количества, темпов роста вообще, т.е. экстенсивного типа производства, насаждался сверху, всячески поощрялись и поддерживались стахановские, изотовские и иные движения рекордсменов, которым создавались тепличные условия, чтобы потом объявить их примером или образцом для подражания.

Приоритет получала тяжелая промышленность. Более 90% промышленных капиталовложений направлялось в группу А, доля ее стала быстро расти. При этом строились предприятия не оптимальных, а прежде всего крупных и даже гигантских размеров, многие из них были плохо управляемыми нерыночными монстрами, но зато их было легче держать под контролем из центра¹⁰.

⁸ Более подробно см. В.Кудров. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., Наука, 1997.

⁹ Н.Петраков. Русская рулетка, с. 97.

¹⁰ См.: Экономика социалистической промышленности. Под ред. Е.Хмельницкой. Часть I. М., 1931. С. 493. В то время говорилось, например, так: “Определяющим всю политику капитального строительства все

Специально был придуман (ссылаясь на известную работу В.И.Ленина) “закон преимущественного роста производства средств производства”, согласно которому везде и всегда темпы роста производства машин и сырья должны обгонять темпы роста производства предметов потребления. Для Сталина сталь поэтому стала конечным и приоритетным продуктом, а хлеб – промежуточным и не столь уж важным. Личное потребление населения, вся социальная сфера общества существовали и развивались исключительно по остаточному принципу финансирования.

Прибыль, рыночные отношения спроса и предложения рассматривались как пережитки капитализма, которые со временем должны себя изжить и исчезнуть. Цены на продукцию устанавливались административным путем, причем искусственно занижались цены на продукцию именно тяжелой промышленности для стимулирования спроса на нее. С ликвидацией НЭПа сразу же возник дефицит товаров народного потребления и уже в 1928 г. были введены карточки: сначала на хлеб, затем на сахар и ряд других продовольственных товаров. В 1931 г. на карточки стали продаваться и многие промышленные товары. Люди стали покупать не то, что им нужно, а то, что есть в продаже. Широкомасштабная индустриализация вызвала невиданный приток малоквалифицированной рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, качество выпускаемой продукции не шло ни в какое сравнение с конкурентоспособной продукцией в странах с рыночной экономикой¹¹.

С началом индустриализации в стране был введен механизм “ножниц цен”, в соответствии с которым административно назначаемые цены на промышленные товары для села и сельского хозяйства росли, а цены на сельскохозяйственные продукты снижались. За счёт крестьян проводилась широкомасштабная индустриализация, строились гигантские заводы, крестьянин трудился всё больше, но получал всё меньше.

Одновременно раскручивалась и инфляция. Так, в 1930 г. денежная масса в стране увеличилась на 45%, что было вдвое больше прироста производства промышленных изделий потребительского назначения. В результате, крестьяне отказывались продавать зерно и другие сельскохозяйственные продукты государству, за что и были ликвидированы Сталиным, как класс.

На этом фоне на селе развернулась гигантская по своему размаху насильственная коллективизация 25 млн. крестьянских хозяйств (“эта зверская затея”, как говорил Б.Бруцкус), придуманная и разработанная ещё раньше Л.Троцким. Крестьяне на деле лишались своего единственного преимущества, заключавшегося в личной заинтересованности в результатах своего труда, привязанности к своему земельному наделу. И поскольку крестьяне оказали сопротивление, стали резать скот (потери крупного рогатого скота за годы коллективизации составили свыше 16 млн. голов), против них были использованы, помимо общего административного давления, ещё два рычага прямого геноцида: раскулачивание и искусственная организация голода в 1932 и 1933 гг.(повторения голода 1921-1922 гг., спровоцированного политикой “военного коммунизма”)¹². Создание социальных государственных латифундий в сельском хозяйстве сразу же гарантировало снабжение хлебом государства (в самих колхозах оплата труда до 1966 г. производилась в натуре, т.е. в трудоднях), хотя урожайность зерна пшеницы практически не превышала уровень 1913 г. (8 ц. с га). Заработали планы заготовок сельхозпродуктов (ностальгическое воспоминание о продразверстке) и радостные рапорта об их выполнении и перевыполнении. Колхозы и лагеря конкретно воплощали в себе старые идеи большевиков о трудовых армиях. В процессе раскулачивания было изгнано на поселение (“лишенцы”) или отправлено в ГУЛАГ (“зэки”) не

больше становятся гигантские предприятия, по размерам и техническому уровню опережающие крупнейшие предприятия промышленности капиталистической Европы и Америки”. (Там же. С. 492).

¹¹ Тем не менее, выступая в 1933 г. по итогам первой пятилетки, И.Сталин говорил: “Итоги показали, что капиталистическая система хозяйства несостоятельна и непрочна, что она уже отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской, социалистической системе хозяйства, что единственная система хозяйства, которая не боится кризисов и способна преодолеть трудности, неразрешимые для капитализма, это советская система хозяйства”. (И.Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11, 1945. С. 397). Любопытно, что примерно такой же оценки в начале 30-х годов придерживался и Л.Троцкий, который писал об агонизирующем и загнивающим капитализме и об успехах экономики СССР (Л.Троцкий. Немецкая революция и сталинская бюрократия. Берлин, 1932. С. 6,7,107).

¹² Как считает В.Ерёмко, “голод всегда был могучим оружием революционеров. В 1917 году большевики использовали продовольственную блокаду Петрограда и благодаря возмущению доведенных до отчаяния масс свергли Временное правительство. Далее политике продналога помогла задушить голодной смертью сопротивление контрреволюционно настроенного крестьянства и части рабочих, а заодно расправиться, как уже писалось, с духовенством. Уже после смерти В.И.Ленина голод в тридцатых годах помог задавить поднявшее голову за времена НЭПа крестьянство”. (См. Вождь. Ленин, которого мы не знали. С. 191, 192).

менее 5 млн. самых работающих и квалифицированных крестьян. Вместе с акциями по организации голода это привело к гибели примерно 10 млн. человек, при вполне достаточном урожае и значительном экспорте зерна.

Как свидетельствует Л.Троцкий, в самый разгар сплошной коллективизации и голода в деревне жена Сталина, Н.Аллилуева, видимо, под влиянием своего отца, настаивала на необходимости перемены политики в деревне. Кроме того, мать Аллилуевой, тесно связанная с деревней, постоянно рассказывала ей о тех ужасах, которые там творятся. Н.Аллилуева говорила об этом Сталину, который запретил ей встречаться с матерью и принимать ее в Кремле. Аллилуева встречалась с ней в городе, и настроения ее все укреплялись. Однажды на вечеринке, не то у Ворошилова, не то у Горького, Н.Аллилуева осмелилась выступить против Сталина, и он публично обложил ее матом. Придя домой, она покончила с собой¹³.

Индустриализация и коллективизация привели к запланированному расширению государственной собственности, социализации (коммунизации) экономики, дали в руки руководства страны невиданные доселе ресурсы и возможности делать так, как оно считает нужным. На базе советской модели экономики (СМЭ) в стране была создана мощная материально-техническая база, основанная на сверхмонополизме и сверхконцентрации производства и управления в руках министерств, Госплана и прежде всего ЦК ВКП(б), на предприятиях-гигантах в промышленности и агрофабриках в виде колхозов и совхозов в сельском хозяйстве. Всё это наследство потом станет почти непреодолимым препятствием для всех попыток реальных рыночных преобразований.

Тем не менее не приходится забывать, что эта гигантская концентрация власти в одних руках дополнялась ещё одним важным элементом – расширением функций органов безопасности, НКВД, созданием всесоюзной “устрашилки” – ГУЛАГа, куда отправляли всех недовольных или потенциально несогласных. НКВД имел свои ячейки или своих представителей во всех управленческих структурах, во всех более или менее значимых субъектах общественной жизни страны, осуществляя тотальную слежку за людьми. В концлагерях и тюрьмах за годы советской власти погибло не менее 20 млн. человек¹⁴. А это значит, что значительная часть советского общества состояла из людей, которые доносили, обвиняли, допрашивали, судили, сажали, охраняли, этапировали и расстреливали миллионы невинных людей, т.е. соучаствовали в преступлениях. И за всё это ответственность несёт не только Сталин и партия, но и всё общество, весь народ.

В 1936 г. на фоне всех этих преступлений и тотального правового беспредела в стране была принята весьма демократическая Конституция, которая не имела никакого отношения к реальной действительности.

А в Германии в это время набирал силу фашизм. По своему смыслу и духу сталинизм, а точнее весь наш реальный социализм, начиная с Ленина, был предтечей, а потом и в тесной связи с развитием фашизма. Когда ещё Гитлер не был у власти в Германии и фашизм реально победил только в Италии, наш старый русский политик В.Шульгин написал (1926 г.), что “фашизм и коммунизм (ленинизм) два родных брата”¹⁵. Именно этим объясняется трогательная любовь Сталина к Гитлеру в 30-е годы, его вера в надёжность и союзничество последнего для нашей страны. Именно Сталин, ВКП(б) и Коминтерн в начале 30-х годов активно выступали против объединения всех антифашистских сил в Германии. Немецкие социал-демократы – главные противники Гитлера – были объявлены “социал-фашистами”, правоуклонистами и главной опасностью в развитии прогрессивных общественных процессов в Германии, что и освободило фашистам и их вождю Гитлеру дорогу к власти в 1933 г.

На деле же коммунизм, или “реальный социализм”, оказался намного хуже фашизма. Известный разведчик и писатель М.Любимов полагает, например, что “сталинские “органы” в известном смысле перещеголяли гестапо: последнее в основном расправлялось с “чужаками” – евреями, славянами и прочими неарийцами, чекисты же пропускали через мясорубку свой собственный народ и преуспели в этом”¹⁶. По имеющимся сводным данным, жертвами государственных репрессий и терроризма с октября 1917 по 1959 гг. стали 66,7 млн. человек¹⁷. Это, так сказать, прямые потери. Если же учесть и потери косвенные (неродившиеся дети), то эта цифра перевалит за 100 млн. человек. Академик Н.Петраков всё социалистическое строительство в СССР оценивает, как “экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней”. Именно эти слова стали подзаголовком его известной книги “Русская рулетка”.

¹³ Л.Троцкий. Сталин. Т.2. М., 1990. С. 212.

¹⁴ См. “Известия”, 1 апреля 1998 г.

¹⁵ Цит. по: М.Агурский. Идеология национал-большевизма, с. 226.

¹⁶ Московские новости. № 49, 1998.

¹⁷ См. Е.Альбац. Мина замедленного действия, с. 91.

Упор на тяжелую промышленность в процессе индустриализации страны был неразрывно связан с милитаризацией экономики, с подготовкой к будущей войне с перспективой ее перерастания в мировую революцию – главную цель большевизма. Строились тракторные заводы, готовые выпускать не только трактора, но и танки, получило серьезное развитие самолетостроение, производство обычного стрелкового оружия. Начало второй мировой войны Советский Союз встретил по существу в рядах гитлеровской коалиции, став союзником фашистской Германии. Пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 г. создавал надежный тыл для нападения Германии на Польшу, а затем её войне с Францией и Великобританией. Существует мнение, что без советских поставок Гитлер вообще вряд ли бы начал войну в 1939 г.

Начиная с февраля 1940 г., когда между Москвой и Берлином было подписано торговое соглашение, одной только нефти СССР продал Германии 1 млн. тонн. Но, кроме того, поставлялись черные металлы, хром, марганец, фосфаты, медь, олово, никель, каучук, а также пшеница и соевые бобы. СССР в значительной мере свёл на нет и эффект от морской блокады Германии и, кроме того, закупал для неё сырьё в третьих странах. Сталин хотел перехитрить Гитлера и направить Германию на войну с Францией и Великобританией, тем самым ослабив систему капитализма. На этом пути ему виделись радужные перспективы для мировой революции. Но он жестоко просчитался: гитлеровская Германия в конце концов напала на Советский Союз.

Тем не менее производство в стране росло, жизненный уровень населения после снижения в начале 30-х гг. стал повышаться, и перед войной плановая система обеспечивала довольно сносную реальную зарплату, сносный (без излишков и экстравагантностей) товарный набор для семьи, что вместе с отсутствием безработицы, бесплатностью образования, медицинского обслуживания и другими сферами общественного потребления создавало у большинства людей впечатление достигнутого достатка и чувство удовлетворения.

Похоже, что правители были вполне удовлетворены тем, что многие советские люди на их глазах превращались в послушных, счастливых и обманутых иллюзиями идиотов. Они были подвергнуты всеобщему идеологическому и властному гипнозу харизматического лидера, отвечали ему верностью и послушанием, боялись отступить от правил и поплатиться за это суровым наказанием, принимали повседневный контроль над собой и поддерживали новую (“самую передовую в мире”) власть, живя по существу в уравнилельной нищете, полагая, что это вполне достойный уровень жизни.

Надо признать: народ в большинстве своём поддерживал Сталина и созданный им режим, подобно тому, как он поддерживал большевиков в годы гражданской войны. Этот режим в социальном плане опирался на поддержку беднейших слоёв населения, на люмпенов, питавших иллюзии по поводу получения для себя каких-то благ за счёт богатых. Им импонировали простые лозунги, бесплатность образования и здравоохранения, а уничтожение бывших буржуев, кулаков, лавочников, ремесленников и интеллигенции не воспринималось ими как преступление, скорее, как справедливость. Из простых людей к тому же вербовались и послушные начальники, инженеры, преподаватели, учёные. А общий уровень жизни был сер и беден. Лишь через несколько лет миллионы советских солдат и офицеров побывают как победители в Германии, в странах Восточной Европы и воочию убедятся, что советские стандарты экономической и человеческой жизни на порядок ниже капиталистических, в том числе на примере фашистской Германии. И через много-много лет писатель А. Приставкин скажет и спросит нас: “Давайте-ка прежде всего, родимые, всенародно покаемся. Сколь много мы помогли, когда избивали на наших глазах праведных, ну хоть того же Сахарова, да и просто честных граждан? Писали ли мы письма протеста? Выходили ли на улицу, чтобы защитить слабых?”¹⁸

В то же время с самого первого своего шага советская модель экономики заработала не только как модель экстенсивного экономического роста, но и как классическая модель ресурсопожирания. Она, как молох, требовала все больше и больше рабочей силы, земли, сырья, основных фондов, капложений, денег, наконец. Началось все со строительства крупных и даже гигантских предприятий, расширения промышленности на Восток, затем к этому добавилось освоение целины, новых нефте-и газоносных месторождений и кончилось массированным импортом зерна и огромным заимствованием средств у Запада.

Для своего существования советская экономика требовала опережающих темпов роста капложений и основных фондов. В результате всегда росли капитал-и фондоёмкость производства, первое подразделение общественного производства и группа А промышленности

¹⁸ Московские новости № 7, 1998, с. 5.

обгоняли в своем развитии второе подразделение и группу Б промышленности. В течение большей части экономической истории СССР норма накопления росла и достигла 40% национального дохода страны, чего не было и не могло быть в мире¹⁹. Материалоёмкость производства была столь высока, что любые сравнения со странами с рыночной экономикой оказывались попросту одиозными. Так, по расчётам, проведенным в ИМЭМО, даже в 80-х годах оказывалось, что СССР потреблял сырья и энергии в расчете на единицу конечной продукции в 1,6-2,1 раза больше, чем США²⁰. Производственный аппарат страны рос количественно, но насыщался низкопроизводительными станками и быстро устаревал, что вело к снижению его производительности в расчете на единицу станочного парка или выпуска продукции.

В начале 60-х годов еще сохранялась эйфория по поводу наших возможностей в области научно-технического прогресса (НТП), но затем эффективность НТП в СССР стала постоянно снижаться, что начало отражаться даже на техническом уровне военной техники. Сельское хозяйство, которое в 30-е годы официально считалось чуть ли не самым механизированным и передовым в мире, оказалось в принципе неспособным прокормить свой народ. Начался растущий импорт зерна (в обмен на растущий экспорт нефти и газа), достигший к середине 80-х гг. 44 млн.т. в год²¹. Крупные заимствования валюты на Западе при М.Горбачёве довели внешний долг страны до 80 млрд. долл. Экономическая система СССР достигла своей полной несостоятельности и развалилась. Но вернемся к анализу процесса формирования советской модели экономики.

Индустриализация и коллективизация в СССР сопровождалась расширением и укреплением управленческого аппарата, созданием большевистской элиты послеленинского поколения – советской номенклатуры. Ядром номенклатуры стали руководящие работники партаппарата, но в неё входили и руководящие работники хозяйственных, военных и общественных организаций, к которым присоединились органы НКВД. Общая численность советской номенклатуры, ставшей на деле эксплуататорским классом, не превышала 2 млн. человек²². Эта социальная группа имела невиданные привилегии за государственный счёт, особенно в части использования общественных фондов потребления – квартиры, дачи, автомобили с шофёрами, санатории, поликлиники, больницы, конверты с деньгами помимо зарплаты, продуктовые пайки в спецраспределителях (“кормушках”) и т.д. Она имела доступ к специальной информации, поездкам за границу за государственный счёт и т.д.

Помятуя сталинский лозунг “Кадры решают всё!”, партия особенно заботилась о социальном клонировании, воспроизводстве советской номенклатуры. Для этого были созданы специальные школы и даже академии. “Начальники” часто были весьма похожи друг на друга в одежде, в манере разговора и общении с людьми, в умении “быть на высоте” и т.д.

В социальном отношении строй, созданный Сталиным, опирался на олигархическую номенклатурную верхушку общества (до 2 млн. человек), которая не стояла в очередях, была хорошо обеспечена. Далее шли 20-25 млн. человек, занимавших среднюю прослойку, и свыше 150 млн. человек – обычный люд, который нещадно эксплуатировался. Разрыв между реальными доходами представителей первой и третьей группы достигал 60 раз, а если из последней взять жителей ГУЛАГа, то многие сотни раз. Одновременно в ГУЛАГе находилось до 15 млн. человек. Поэтому говорить, по большому счету, о преодолении социального неравенства при социализме не приходится. На деле оно многократно возросло.

Яркую характеристику советского чиновничества дал Л.Троцкий. Ещё в 1932 г. он писал: (Советский) “чиновник меньше всего похож на бесплотного духа. Он ест, пьёт, размножается и заводит себе изрядный живот. Он командует зычным голосом, подбирает снизу верных людей, соблюдает верность начальству, запрещает себя критиковать и в этом видит самую суть генеральной линии. Таких чиновников несколько миллионов, — несколько миллионов! – больше, чем промышленных рабочих в период Октябрьской революции. Большинство этих чиновников никогда не участвовали в классовой борьбе, связанной с жертвами и опасностями. Эти люди в преобладающей массе своей политически родились уже в качестве правящего слоя. За их спиной стоит государственная власть. Она обеспечивает их существование, значительно поднимая их над окружающей массой. Они не знают опасности безработицы, если умеют держать руки по швам. Самые грубые ошибки им прощаются, если они согласны выполнить в нужную минуту роль козла отпущения, сняв ответственность с ближайшего начальства”²³.

¹⁹ Европа и Россия: опыт экономических преобразований. М., Наука, 1996, с. 68.

²⁰ Правда, 8 января 1988 г.

²¹ Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., Финансы и статистика, 1991, с. 653.

²² Вопросы экономики № 7, 1998, с. 136.

²³ Л.Троцкий. Немецкая революция и сталинская бюрократия. Берлин, 1932, с. 99, 100.

Скажу более: советская номенклатура лишь прикрывалась марксизмом-ленинизмом, как фиговым листком. На деле же она преследовала максимальное удовлетворение своих постоянно растущих и очень конкретных личных потребностей, которые, как оказывалось, были практически безграничны. Огромная страна с огромным потенциалом и работала на них, на укрепление их власти и благополучия.

К этому следует добавить, что советская номенклатура отличалась низкой культурой, низким уровнем образования и интеллектуального развития. Школы рабочей молодёжи, рабфаки, коммунистические университеты готовили “идейно подготовленных”, но малообразованных специалистов и управленцев. Образовательщина, полуинтеллигентность, малокультурность, маловоспитанность и другие “прелести” стали типичными чертами советской номенклатуры. Прав Н.Шмелёв, который пишет: “Режим создавали люмпены. Кого ни возьми, у лидера заочное образование, у других – ветеринарное училище, как у Орджоникидзе или Поскрёбышева. Общий образ – недоучка. Судите по результату, а не числу написанных книг. Не случайно первый удар они нанесли по высоколобым, по тем, кто мог противостоять им в силу образования и воспитания”²⁴.

Достаточно ёмкую и оригинальную характеристику советской правящей элиты даёт академик Н.Петраков, знающий её не понаслышке: “Партийный инкубатор большевиков тиражировал руководителей, обладавших одними и теми же чертами.

Их перечень невелик:

- политический инфантилизм, самовнушённое (а затем внушаемое ближайшим окружением) убеждение в знании основных пружин власти, общественного развития локальных и мировых тенденций. Короче – мнимая интеллектуальная самодостаточность;
- барское отношение к своим соратникам и сотрудникам, атрофия понимания различия между слугой и государственным служащим;
- информационная замкнутость, зависимость от целенаправленно фильтруемой информации;
- физическая зависимость от спецслужб, постепенно трансформирующаяся в потерю чувства политического самосохранения;
- нарастающее презрение к общественному мнению;
- фетиш демагогии, как орудия власти над массами”²⁵.

А в сфере культуры, литературы и искусства шли свои разрушительные процессы.

На протяжении 20-х годов в советской литературе и искусстве господствовал плюрализм, существовали и соревновались между собой разные творческие подходы и направления. Поражало обилие творческих индивидуальностей и талантов. Но уже с конца этого десятилетия (1928 и 1929 гг.) началось партийное наступление на свободу творчества, прямое вмешательство руководства страны в жизнь и деятельность советских писателей, музыкантов, художников. Была поставлена прямая задача: партия выдаёт специальный заказ, а деятели литературы, культуры и искусства должны его выполнять. Партия напрямую руководит творческими работниками, последние должны подчиняться.

Прямым административным вмешательством в литературный процесс стала повседневная работа Главлита, Главреперткомы, государственных издательств и т.д.

Сталин поставил задачу перевоспитать писателей и художников, заставить их служить новому строю, новым хозяевам страны. В литературе главным проводником такой линии в конце 20-х годов становится РАПП, запрещены или самораспустились все иные группы и литературные течения (“Леф”, ЛЦК и др.), которые процветали в прежние годы. Начались кампании по проработке известных писателей, стремившихся сохранить свою свободу. Они были направлены, в частности, против М.Булгакова, Е.Замятина, Б.Пильняка.

В обществе утверждалось представление о творческом процессе, как о якобы постоянно нуждающемся в опеке, в указаниях и контроле сверху. Эта тенденция развивалась и контроль ужесточался. В 1932 г. РАПП был ликвидирован и затем заменен Союзом советских писателей, ставшим своеобразной казармой и даже ГУЛАГом для нескольких поколений советских писателей. Союз советских писателей “внедрял” социалистический реализм, “воспитывал” своих членов, исключал из своей организации. А в стране всё ужесточался режим нескончаемых гонений и арестов неугодных.

Итак, покончив с оппозицией и упрятив в ГУЛАГ всех потенциально непокорных, Сталин стал абсолютным диктатором и властителем огромной страны, всего, что в ней находилось. Повсюду и во всем интересы вождя и новой советской элиты отождествлялись с государственными интересами. Культ вождя, который берёт на себя ответственность по

²⁴ Известия, 31 января 1998 г.

²⁵ Н.Петраков. Русская рулетка. С. 106, 107.

созданию передового общественного строя, ведёт народ к светлому будущему, которое обеспечит ему процветание, обеспечивает защиту от врагов и т.д., т.е. культ отца нации, стал со временем гражданской религией, одним из устоев “реального социализма” в стране. При этом коммунистическую партию, или партию большевиков, Сталин рассматривал как орден меченосцев, орудие укрепления своей власти и реализации коммунистических идеалов.

В беседе с представителем КПГ В.Герцогом еще в феврале 1925 г. он говорил, что партия должна рассматривать себя, “как высшую форму классового объединения пролетариата, призванную руководить всеми остальными формами пролетарских организаций ... (При этом необходимо), чтобы каждый шаг партии и каждое ее выступление естественно вели к революционизированию масс, к подготовке и воспитанию широких масс рабочего класса в духе революции... чтобы партия умела сочетать в своей работе непримиримую революционность с коренными интересами пролетарской революции... чтобы партия систематически улучшала социальный состав своих организаций и очищала себя от разлагающих оппортунистических элементов ... чтобы партия выработала железную пролетарскую дисциплину, выросшую на основе идейной спаянности, ясности целей движения, единства практических действий...”²⁶.

В хозяйственной жизни страны всё возрастающую роль играло директивное централизованное планирование, которое охватывало с каждым годом нарастающее число продуктов, услуг и сфер экономической и иной деятельности. План завязывал в один кулак все производство, всех работников, всех потребителей, определял перспективы развития страны. Не сам человек или его семья стали определять, что ему производить, потреблять, покупать, а план, спущенный сверху. Такое идеалистическое представление о государстве и партии, которые якобы заранее и намного лучше любого жителя страны знают, что ему нужно, сочеталось с другим не менее утопическим представлением о самом человеке, который якобы должен прежде всего преследовать не свои личные интересы, а служить интересам государства и общества, быть чуждым частной собственности и ожидать всеобщего счастья и благополучия в отдаленном коммунистическом будущем. На фоне социальных трудностей в стране и строгостей на производстве утопический коммунистический рай представлялся в предельно розовом свете. При этом плановая экономика, как мы помним, стала опираться не на мелкие и средние предприятия, а на крупные и предельно крупные. Вся экономическая система страны, включая структуру производства и производственного аппарата, механизмы хозяйственных связей, стереотипы поведения людей и т.д. формировались без учёта рыночных ориентиров, а лишь в расчёте на государственное распределение ресурсов и планово-административные целеуказания и контроль.

Всё сказанное дополнялось сплошной идеологизацией науки, образования, производственной и всякой иной деятельности. В соответствии с наукой всех наук – марксизмом-ленинизмом – в основе реального социализма лежит только одна форма собственности, а именно – общественная, или государственная. Что, кому и как производить, решает научно-обоснованный план, составленный самыми грамотными в мире экономистами и плановиками. По какой цене продавать – решают государственные органы ценообразования. Коммерческие банки не нужны, так как все предприятия финансируются из госбюджета. В экономике страны преимущественное развитие по плану получает не продукция, нужная людям, а средства производства, особенно тяжелая промышленность.

Достигается якобы гармония в структуре производства, его техническом аппарате и занятости. И целью провозглашалось удовлетворение всех потребностей населения. “Преимущества” плановой системы упрямо вдалбливались в сознание людей, которым не позволялось подвергать их сомнению. Марксизм-ленинизм превратился в государственную идеологию, в своего рода катехизис с набором обязательных (и часто примитивных) формулировок. Эта “тотальная наука” определяла тем не менее все стороны советской жизни.

Общественные науки вообще были объявлены “партийными науками”, призванными защищать интересы рабочего класса (читай: номенклатуры) и мировой революции. По существу, создавалась система псевдонаук, обслуживающих правителей страны. Сталин особо поощрял многие псевдонауки и многих псевдочёных. Самыми яркими примерами этого являются Лысенко в биологии, Минц и Федосеев в философии и т.д. Сталин поощрял многочисленные публикации не только поэм, романов и од, восхвалявших его и его дела, но и подобного же рода “научных трудов”. Более того, уже в 30-е годы он сам стал высшим авторитетом в любой отрасли науки и виде искусства.

Образовавшийся дефицит большинства товаров, скрытая инфляция и поразительная неэффективность производства в советские времена, сознательная ложь в статистике, как

²⁶ Завтра, № 50, 1997 г.

правило, не подвергались исследованиям и научному обсуждению. Партийная идеология стала большевистской религией, которой должны были служить все граждане страны, включая ученых. А чтобы не было никаких отклонений, была сформирована жесточайшая цензура и проводились гонения на уклонистов и отщепенцев, которые быстро исчезали не только с работы, но и из жизни. Отклики прежних гонений слышны и до сих пор.

Сразу же после войны зародилась иллюзия, что в благодарность за непомерные жертвы и победу в войне Сталин дарует стране демократию и свободу. Однако страх перед возможностью привнесения в СССР заразных идей и примеров из западной жизни, почерпнутых советскими солдатами и офицерами, находившимися в 1945-1948 гг. в странах Европы (по примеру восстания декабристов в 1825 г.), побудил “вождя народов” вновь вернуться к террору.

Подавление первых ощущений возможного пришествия свободы и новой жизни началось уже вскоре после окончания войны. В августе 1946 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Жертвами стали такие удивительные писатели, как М.Зощенко и А.Ахматова. В постановлении говорилось, что эти люди “тянули советскую литературу в болото безыдейности, беспринципности, формализма, низкопоклонства перед гниющей, упадочной буржуазной культурой”²⁷. Это постановление в обязательном порядке изучали и одобряли на партийных собраниях, в учебных заведениях по всей стране.

Затем последовали аресты и суды над рядом учёных, убийство Михоэлса, кампания против космополитов и евреев. Но в это же время (январь 1948 г.) было принято ещё одно важное постановление ЦК ВКП(б). Теперь уже по композиторам Мурадели, Шостаковичу и Прокофьеву, которые были объявлены сторонниками “антинародного формалистического направления в музыке, как проявления буржуазного влияния, проповедующего безыдейность, преклонение перед разлагающейся буржуазной культурой Запада”²⁸.

В 1948 г. началась кампания лысенковцев, поддержанная лично Сталиным, против “реакционной генетики”. Ещё до войны был арестован и затем погиб в тюрьме гениальный биолог, академик Н.И.Вавилов – главный оппонент Т.Лысенко. Теперь уничтожению подверглось целое направление в науке, многие учёные были изгнаны с работы. В 1949 г. – знаменитое “ленинградское дело”, по которому было расстреляно около 200 человек, в том числе Н.Вознесенский, А.Кузнецов. В 1952 г. – “дело врачей”. В официальном сообщении по этому сфабрикованному делу говорилось, что “органами государственной безопасности... раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза... Шпионы, отравители, убийцы, продавшиеся иностранным разведкам, надев на себя маску профессоров-врачей... используя оказываемое им доверие, творили свое чёрное дело...”²⁹.

Это было начало для решения вопроса о массовой депортации евреев в Сибирь, где уже была сформирована Еврейская автономная область. Но смерть тирана помешала осуществить эти замыслы, хотя уже спешно строились новые бараки в ГУЛАГе, заготавливались товарные вагоны, составлялись списки потенциальных “врагов народа”. После смерти Сталина 5 марта 1953 г. уже 4 апреля в газетах появилось официальное сообщение МВД о том, что все обвинения, выдвинутые по “делу врачей”, “являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельны”.

В конце 1952 г. появилась последняя работа Сталина – “Экономические проблемы социализма в СССР”. В ней доказывалось, что товарное производство при социализме – “особого рода” и существует лишь потому, что в экономике СССР ещё не всё было огосударствлено. Где государственная собственность, там нет и не может быть товарного производства. И по мере развития обобществления производства, в частности, перерастания колхозов в совхозы, товарное производство будет заменяться прямым продуктообменом. Такой вывод не оставлял надежд на рост эффективности производства в условиях “реального социализма”.

Теперь можно подойти к определению сути созданной в СССР экономической модели. Эта модель нерыночной, командно-административной экономики, экономики тоталитарного государства со сверхцентрализованным управлением сверху вниз, заменившим собой традиционные горизонтальные рыночные связи. Советская модель экономики включает в себя следующие составляющие элементы:

²⁷ Цит. по: С.Шноль. Герои и злодеи российской науки. М., Крон-Пресс, 1997, с. 223.

²⁸ Там же, с. 229.

²⁹ Там же, с. 305.

- однопартийная система с полным контролем со стороны партийных органов всех сторон экономической и социальной жизни страны;
- государственная собственность на средства производства;
- централизованное управление и планирование экономики;
- наличие правящей номенклатуры – чиновников особого советского типа, преданных идее и вышестоящему начальству, готовых на любую “туфту” во имя достижения заданных показателей и удачного рапортования;
- строгая приверженность государственной идеологии и широкая пропаганда “преимуществ и успехов” реального социализма;
- изоляция от всего мира, внешняя торговля на базе государственной монополии.

Власть – это главное дело и главная забота системы реального социализма, которую создал Сталин³⁰. Она проводилась в жизнь с помощью четкой и ясной, как в армии, иерархии управленческого аппарата: по партийной линии – Генеральный секретарь, Политбюро, ЦК ВКП(б), республиканские, областные и районные партийные комитеты (все они занимались управлением, в том числе и экономикой, дублируя органы хозяйственного управления), парткомы во всех организациях; по хозяйственной линии – Совмин, Госплан, министерства и предприятия; по линии так называемой безопасности, а точнее тотальной слежки – НКВД (потом МГБ, КГБ), который имел свои ячейки и тайных агентов во всех иных управленческих структурах, во всех без исключения субъектах общественной жизни страны.

Так, лозунг об освобождении трудящихся от эксплуатации капиталом на деле обернулся неизмеримо более жестокой эксплуатацией народа государством и партией. Ведь именно в условиях реального социализма человек зависел от государства и партии буквально во всем – в работе, в образовании, в мышлении, в регламентации образа жизни и частной жизни. Государство – единственный работодатель и инвестор, от него никуда не уйти. Даже обычные человеческие ценности – порядочность, честность – стали рассматриваться через призму классового подхода и большевистских идеалов: порядочно то, что выгодно делу социализма, делу партии и революции во всем мире. Под прикрытием такого подхода можно было красть, убивать, издеваться над людьми, предавать, изгонять из собственных жилищ.

Все три иерархии вертикального централизованного управления были тесно взаимосвязаны. При этом НКВД по заданию партии на деле стал цепным псом руководителей и номенклатуры, следил за тем, что думает и говорит народ, преследовал многих людей не только за их убеждения, но и просто за неосторожно оброненное слово. По существу шёл процесс кегебизации всей страны. Это низшая форма социальной организации общества, для которой самое страшное – это нормальная человеческая жизнь в условиях гласности, реального осуществления прав человека. Это враждебная человеку общественная форма, одна из самых несправедливых в истории человечества.

Создание СМЭ базировалось на ликвидации частной собственности и предпринимательства и создании на их месте чуть ли не всеохватной государственной собственности, огромного бюрократического аппарата управления и планирования. Государственная собственность означала прежде всего её обезличивание, создание атмосферы всеобщей внутренней незаинтересованности и ожиданий указаний от начальства. Замена частных предпринимателей госаппаратом означала переход от экономики конкурентной и инициативной к экономике приказов и послушания. Внутренние, эндогенные, стимулы или побудительные силы были заменены силами внешними, экзогенными, приказными. Росли обезличенные фонды, масштабы неиспользуемых ресурсов, все финансирование осуществлялось из госбюджета, не работали экономические рычаги и стимулы, все стали бегать за “дефицитом”. Производить “дефицит” было очень выгодно.

Аккумулируемые государством огромные финансовые ресурсы направлялись на строительство гигантских предприятий, “строек коммунизма”, на общественные фонды потребления при поддержании средней заработной платы на низком уровне. При этом государственные ресурсы были ориентированы на выпуск продукции, качество и ассортимент которой не получал общественного признания, как это делается на основе рыночного механизма спроса и предложения. Они просто были результатом субъективных командных решений сверху, выдаваемых якобы за решения, имеющие общественно-необходимый характер. Общественная рациональность и экономичность производства также не были присущи СМЭ. Экономическая система социализма не давала никаких сигналов хозяйствующим субъектам, что

³⁰ За два месяца до прихода к власти В. Ленин закончил свою известную работу “Государство и революция”, где доказывал необходимость слома госаппарата. Но придя к власти, сделал всё, чтобы этот аппарат укрепить. Пустыми оказались и такие большевистские лозунги, как “земля – крестьянам”, “фабрики – рабочим”, “вся власть советам” и т.д.

производить и потреблять, распределение получаемых доходов не зависело от результатов производства и определялось совсем другими факторами.

Верхи такой системы всегда ожидали, что хозяйствующие субъекты будут себя вести так, как предписывают плановые задания и приказы соответствующих министерств и ведомств. Когда же оказывалось, что эти ожидания не оправдываются, то считалось, что виновна не система, а люди. Получалось, что система-то хорошая, а вот люди никуда не годятся.

В нормальных же условиях хозяйство страны двигают внутренние мотивированные предприниматели и менеджеры. Именно они конкретно распоряжаются имеющимися факторами производства и комбинируют их взаимодействие так, чтобы производить пользующуюся спросом продукцию с наименьшими затратами. Когда спрос на эту продукцию начинает насыщаться, они же должны найти новую, назревающую потребность и вновь рациональные способы её удовлетворения. В числе последних все нарастающую роль приобретают нововведения.

Построенная же у нас СМЭ, вся экономическая и общественная система на деле оказались несостоятельными. Эта модель и эта система исходили из того, что число экзогенно, “телеологически” задаются соответствующие параметры производства и распределения продукции и весь народ существует лишь для того, чтобы производить сталь, уголь, цемент, машины, зерно и другую продукцию, строить новые заводы и фабрики. На деле же и по глубинному смыслу сам экономический механизм должен заинтересовывать людей в производстве и НТП, и люди сами должны решать, где им работать, что производить и покупать, куда девать свои сбережения и иметь ли собственность в качестве гарантии личного благосостояния и свободы.

Следствием созданной в СССР экономической модели стали снижение трудовой мотивации, хищническое отношение к ничьей собственности, развитие теневой экономики, отсутствие органического научно-технического прогресса, растущая зависимость от западных технических новшеств, перенакопление экономики излишками ресурсов труда, капитала и материалов, рост дефицита и т.д. Но самое страшное – это порча людей. Людей такая система делала несамостоятельными, отучала их думать и анализировать, приучала к послушанию и даже холопству, к постоянному ожиданию команды сверху, к безответственности и безынициативности. Наоборот, начальники сплошь и рядом теряли профессионализм, занимались “общим руководством” и всяческим угождением вышестоящим инстанциям, умело приспособлялись к выживанию. Номенклатурные привилегии верхов стимулировали массовый карьеризм, приспособленчество, стремление залезть повыше по социальной лестнице, не считаясь со средствами.

В свою очередь сама номенклатура со временем все больше отходила от своих утопических целеполаганий (“догнать Америку”, построить коммунизм к 1980 г. и т.д.) и все больше сосредотачивалась исключительно на собственных интересах. И Сталин, и созданная им экономическая модель вполне устраивали новую советскую номенклатуру. Но централизованное государственное планирование производства и распределения продукции создало на деле не только самую громоздкую, но и самую неэффективную систему, породившую невиданную расточительность факторов производства и принудительный труд.

Апогеем в демонстрации “преимуществ” сталинской модели экономики стал период брежневизма, или застоя (1964-1982 гг.), когда заложенные в этой модели принципы и административные механизмы стали давать те реальные результаты, которые рано или поздно они и должны были дать.

Это – отторжение всех попыток реальных рыночных реформ и перехода к интенсификации производства. Это – апатия к научно-техническому прогрессу. Это – превращение власти как в центре, так и на местах в узкие группы “единомышленников”, защищающих нетленные “социалистические ценности” Это – неостановимое снижение эффективности производства, темпов его роста, нарастание социального недовольства и зависимости от помощи Запада.

Справедливости ради, надо сказать, что в 60-70ые годы под руководством А.Косыгина были сделаны две важные попытки осуществления рыночных реформ (1965 и 1979 гг.). Много говорилось о переводе государственных предприятий на полный хозрасчёт, о необходимости ориентации производства на такие показатели, как прибыль и рентабельность, о правах предприятий на свободную реализацию сверхплановой продукции и т.д. Однако отраслевые министерства не поступились своей властью и сделали всё, чтобы предприятия не получили слишком много экономической свободы.

Основные идеи косыгинских реформ были реализованы в годы горбачёвской перестройки. Всё это привело к развитию рыночных отношений, интеграции рыночных

механизмов в плановую систему и даже к ликвидации Госплана СССР. Однако это не создало настоящего рынка, не привело к отказу от СМЭ, а лишь стимулировало развитие по ложному пути – по пути “рыночного социализма”.

Но не приходится забывать, что попытка Чехословакии в 1968 г. пойти по пути “рыночного социализма”, по пути построения “социализма с человеческим лицом” закончилась крахом. Более того, в связи с событиями в Чехословакии и в СССР прекратились попытки частичных реформ, возникла реальная опасность официальной реабилитации Сталина и его преступлений. Общество находилось в ожидании возврата к прежним дохрущёвским временам.

А ситуация в экономике всё ухудшалась. 70-е годы вновь продемонстрировали неспособность “реального социализма” к трансформации, а его руководителей к проведению реальных реформ, темпы роста производства снижались, социальные проблемы накапливались. Бывший помощник Л.Брежнева А.Черняев вспоминает 80-е годы: “Экономика страны производила совершенно безнадежное впечатление. С продовольствием становилось все хуже и хуже. Особенно ощутимо это было после “олимпийского изобилия”. Очереди удлиннились. Но не было ни сыра, ни муки, ни капусты, ни моркови, ни свеклы, ни картошки. И это в сентябре! Колбасу, как только она появлялась на прилавках, растаскивали иногородние... Что наш “реальный социализм” погряз в тяжелейшем морально-экономическом кризисе, свидетельствовало такое, казалось, невысказанное с 20-х годов явление, как забастовки”³¹.

Скука, унылость и серость были характерными чертами внутривластной ситуации в обществе. Делать вид, что работаешь, а также делать вид, что платишь за труд – было обычной практикой на производстве. В стране процветали беспринципность, нетребовательность, всепрощенчество и пустословие. Но при этом продолжалось преследование инакомыслия, диссидентов, церкви и т.д.

Из колхозов уходили последние признаки кооперативных отношений, которые заменялись огосударствлением, превращением колхозов в совхозы, усилением бюрократического командования и ухудшением качества работы. Официально считалось, что колхозная форма собственности является низшей по сравнению с государственной и поскорее надо “стирать грани” между колхозами и совхозами. А колхозники превращались постепенно в наёмных рабочих, все более оторванных от своей земли. Разбазаривание ресурсов и нарастающая неэффективность во всём хозяйстве страны стали нормой повседневной жизни.

Напомню известные факты. Почти $\frac{1}{3}$ урожая уже постоянно и ежегодно уходила в потери, $\frac{1}{3}$ занятой рабочей силы представляла собой скрытую безработицу, т.к. практически не работала, хотя и получала зарплату, размеры теневой экономики достигали 25% ВВП. Приписки выпуска продукции получили широкое распространение и в ряде случаев (например, в Узбекистане) достигали непомерных масштабов. Ненужных товаров, вообще не пользующихся спросом, выпускалось до 25% всего производства³². Вот что пишет по этому поводу бывший министр экономики РФ Я.Уринсон: (Советские) “предприятия не умели работать на платёжеспособный спрос. Долгие десятилетия они производили товары только по плану, причем часть этих товаров по плану же и реализовывалась, а другая или шла на склад, или просто уничтожалась. Я долгое время работал в ГВЦ Госплана СССР, и до сих пор помню, как в конце каждого года создавались комиссии, которые делали сводку товаров, подлежащих уничтожению. Цифры достигали фантастических размеров, например, по обуви, по мужским пальто с меховыми воротниками и т.д. Нереализованные запасы свозились в одно место, создавались специальные комиссии из представителей Госплана, ЦСУ, министерств, местных партийных органов и сжигалось, разбивалось, уничтожалось огромное количество разных продуктов. Также всем хорошо известны и имевшие тогда место потери в первую очередь сельхозпродукции. По дороге от поля до стола потребителя терялось около трети урожая. Таким образом, значительная часть товарной массы, как оказывалось, входила в совокупный общественный продукт, учитывалась в его объёмах, но по сути товарной массой не являлась, не имела реальной рыночной цены”³³.

Примерно половина рабочих в промышленности была занята ручным трудом. Объем незавершенного строительства достигал величины годовых капиталовложений. Размах коррупции и иных злоупотреблений (например, валютных) получил огромные размеры. Многие заводы и даже отрасли были планово-убыточными и сидели на дотациях. Общественные фонды потребления могли существовать только за счёт недоплаты труда в сфере материального производства. Государственные финансы находились в катастрофическом положении.

³¹ А.Черняев. Моя жизнь и мое время. М., Международные отношения, 1995. С. 417.

³² I. Leitzel. Russian Economic Reform. N.Y., 1995, p. 74, 118, 120.

³³ Российская экономика на новых путях № 2, 1997, с. 11.

Но ситуация все ухудшалась. В 1982 г. производительность труда в народном хозяйстве уже была на $\frac{1}{3}$ ниже, чем в среднем в 1966-1976 гг., среднегодовой прирост ВВП в 1975-1985 гг. был равен лишь половине его прироста в 1960-1975 гг., эффективность производства (факторная производительность) в 1981-1985 гг. также была равна 50% от уровня 1975-1980 гг.³⁴. С конца 70-х годов по реальному счету началось снижение объемов производимого ВВП, которое продолжалось практически более 20 лет, вплоть до 1999 г. Советская система и СМЭ постепенно превращались в орудие самосохранения и обеспечения собственной стабильности. И похоже, Запад понял, что “реальный социализм” умирает своей естественной смертью.

В годы горбачёвской перестройки также не удалось преодолеть неблагоприятных тенденций, связанных с угасанием советской экономики. Вот что пишет об этом периоде бывший соратник Б.Н.Ельцина М.Полторанин: “В принципе мы, как и шестидесятники, не стремились к радикальной революции: всё к чёрту снести, все основы социализма разрушить. Нет, мы говорили, что есть базовые принципы и нужно их держаться, но эти базовые принципы надо очистить от шелухи, коросты, которые покрыли здоровое тело партии за десятилетия. Ведь ни для кого не секрет, что процветали коррупция, кумовство, клановость. Шутка шуткой, а в ней была правда, когда говорили, что партийные работники начали построение коммунизма каждый персонально для себя”³⁵.

В годы “реального социализма” при правлении Л.Брежнева советская экономика почти уже и не работала, проблемы не решались, бесхозяйственность и коррупция правящих кругов расцветали пышным цветом. Атмосфера безответственности и вседозволенности, самовосхваления и торжества посредственности стала обычной чертой “социалистического образа жизни”.

Парадокс в том, что марксизм учил тому, что развитие производительных сил является мотором общественного и экономического прогресса, но на деле он привёл к формированию тоталитарной экономической модели без конкуренции и рынка, без мотивации к труду и НТП. Марксизм учил и тому, что мелкие предприятия постепенно исчезают и остаются лишь крупные и крупнейшие, как наиболее эффективные. Многие советские экономисты обращали внимание на чрезмерно большой, далекий от оптимального размер промышленных предприятий. Так, по последним данным в 1996 г. из 5885 видов машиностроительной продукции 5120, или 87%, выпускались одним производителем; из всей номенклатуры продукции 30-40% её видов производилось только одним предприятием или объединением; средний размер промышленного предприятия был в 10 раз больше, чем в США³⁶. Крупные предприятия становились все менее управляемыми и более неэффективными, неспособными быстро воспринимать достижения развития науки и техники. Это ещё более усугубляло неэффективность СМЭ. Всё очевиднее становился тот факт, что СМЭ могла работать лишь при крайне неэффективном использовании и перенакоплении всех ресурсов. Лень и имитация работы во многих случаях стали нормой советской трудовой “этики”, а производительный, эффективный и честный труд встречался всё реже и реже.

На базе несрабатываемости экономической модели “реального социализма”, замедления темпов экономического роста и нарастания трудностей в социальной и экономической жизни общества вызревал необратимый процесс широкого социального напряжения, недовольства значительной части советских людей условиями труда и жизни. Как пишет первый заместитель председателя КГБ Ф.Бобков, уже “в конце пятидесятих годов в разных городах вспыхивали волнения по всевозможным поводам. Чаще всего они были направлены против действий милиции, но иногда толпа громила и помещения райкомов и обкомов партии. Потом массовые беспорядки стали возникать чуть ли не каждый год, в них втягивались тысячи людей. Нередко в наведении порядка участвовали подразделения Советской Армии...”.

Тем не менее КГБ продолжал оставаться гигантской организацией, огромным оплотом “реального социализма”, созданного в нашей стране. По словам бывшего председателя КГБ В.Бакатина, в 1991 г. численность сотрудников этой организации составляла 720 тыс. человек, включая погранвойска (220 тыс. человек)³⁷. Это больше, чем в США, больше, чем во всей Западной Европе. КГБ имел свои НИИ, вузы, силы специального назначения – дивизии, диверсионные и особые подразделения типа “Альфа”, “Каскад”, “Зенит”. Но главное, он имел несметную армию тайных осведомителей, так называемых стукачей. По имеющимся оценкам, возможно, 30% взрослого населения страны сотрудничало в этом качестве с КГБ³⁸. И когда СССР уже стал разваливаться под влиянием внутренних противоречий, нарастания

³⁴ M. Sharpe, L.Nelson, I.Kuzes. Property of the People. N.Y., 1994. P. 21.

³⁵ Независимая газета, 14.11.1998.

³⁶ Экономическая наука современной России № 1, 1999, с. 15.

³⁷ Е.Альбац. Мина замедленного действия, с. 28.

³⁸ Там же, с. 60.

национально-освободительного движения в республиках, КГБ возглавил подготовку и проведение августовского путча 1991 г., чтобы не дать стране встать на путь свободного экономического и политического развития. Вот что писал бывший гекечепист и Председатель КГБ СССР В.Крючков ещё в декабре 1990 г. в своей докладной записке М.Горбачёву: “С учётом особенностей структуры экономики СССР, невосприятости значительной частью граждан даже примитивных форм рыночных отношений требует большой осмотрительности, осторожности и выверенности каждый последующий шаг при решении проблемы перехода к рынку. Расчёт на форсированное внедрение рыночных отношений может обойтись стране непомерно дорого... Анализ сложившейся ситуации требует серьёзного критического осмысления того, насколько адекватны сформулированные почти шесть лет назад понятия демократизации и гласности их нынешнему практическому воплощению. Нельзя не видеть, что на определенном этапе антисоциалистические круги осуществили подмену их содержания, навязывают обществу видение перестройки не как обновления социализма, а как неизбежное возвращение в “русло мировой цивилизации” – капитализма”³⁹.

Всё это очень созвучно нынешним настроениям оппозиции реформам в российском обществе, которая не прочь восстановить старую СМЭ. Вспомним, что после неудачного августовского путча в 1991 г., ареста организаторов ГКЧП во главе с реальным его руководителем В.Крючковым и запретом КПСС образовался вакуум на стороне политической оппозиции. Однако постепенно этот вакуум заполнялся новой крепнущей оппозицией сначала во главе с Р.Хасбулатовым, затем Г.Зюгановым.

В годы брежневизма, казалось, что страна совсем утратила силы и способности к развитию. Но советская экономическая наука и особенно партийная пропаганда по-прежнему захлёбываясь успехами и преимуществами социализма как общественной системы, успехами и преимуществами его экономической модели.

К сожалению, советская экономическая наука ни разу не сказала, что выбор сталинской экономической модели для нашей страны был огромной политической и экономической ошибкой. Наибольшее, на что эта наука оказалась способна, уже после смерти Сталина, точнее с начала 60-х годов, – предлагать эту модель по-разному корректировать, улучшать, совершенствовать, насыщая какими-то элементами рынка, и направлять в сторону формирования так называемого “рыночного социализма”. Эта наука никогда не предлагала сложившуюся при Сталине экономическую модель разрушить или отказаться от неё, что предлагали в 60-80-е годы отдельные польские и венгерские экономисты. Права академик Т.Заславская, когда отметила, что советская экономическая наука “оказалась бессильной понять подлинную природу советского общества, закономерности и механизм его развития, чрезмерно идеологизированное общественное сознание во многом утратило способность к критике, перестало отличать ложь от истины, стало очень консервативным”⁴⁰. И не менее прав академик С.Шаталин, который также честно признал, что “многие наши представления о социалистической экономике, её неотъемлемых чертах были попросту ложными. Их следует пересмотреть”⁴¹. Речь идёт о “научном” приукрашивании образа социализма и его экономики, столь типичном для советской экономической науки.

Советская экономическая наука, кроме того, имела прямую установку на укрепление культа личности любого очередного генсека в партии и вождя в стране, на развитие и пропаганду марксистско-ленинской идеологии. В результате и Ленин, и Сталин стали у нас религиозными символами, вездесущими и бессмертными образами, которые живы и до сих пор. Они выполняют свою роль, влияют на значительную часть нашего общества, как образы отцов-покровителей, защитников простых людей и т.д. Этот “призрак коммунизма” тоже нуждается в глубокой научной оценке.

И это все происходило даже тогда, когда вокруг нас в странах Запада уже шла научно-техническая революция, рыночная система поднялась на очень высокий уровень, став базой значительного повышения жизненного уровня людей, ускорения разработок новой техники, развития интеграционных процессов, а в таких социалистических странах, как Венгрия и Югославия (потом к ним присоединилась Польша), начали с упоением строить “рыночный социализм” (“гуляш-социализм”, как потом определяют те же венгры), от которого они затем отказались. Но наша советская экономическая наука явно плелась в хвосте этих объективных процессов и порой принципиально противилась им.

³⁹ Там же. Приложение.

⁴⁰ Российская экономика на новых путях, №2, 1997, с. 10.

⁴¹ Переход к рынку: борьба мнений. М., Наука, 1993, с. 44.

А между тем именно советская экономическая практика, в период НЭПа уже в 20-30-е годы породила на Западе, несмотря на его принципиальное отторжение социализма, поток идей, получивших потом оформление в виде концепции “рыночного социализма”. Одним из основателей этой концепции стал известный польский экономист О.Ланге, выпустивший в середине 30-х годов ряд работ по этому вопросу. Против него уже тогда резко выступили Л.Мизес и Ф.Хайек.

О.Ланге считал, что при социализме государство может устанавливать равновесные цены, использовать рыночные механизмы, в частности, самоокупаемость. В СССР в то время об этом не было и речи, а если кто и заикался, например, о хозрасчете, то его немедленно убирали. Но после войны польские, венгерские и югославские экономисты стали активно развивать идеи Ланге, они получили отражение в хозяйственном управлении их стран и перекочевали в СССР. Тем не менее “рыночный социализм” оказался ложной целью и нигде не только не закрепился, но и не сохранился. Жизнь убедительно показала, что “рыночный социализм” – это промежуточность и нестабильность, это пламя и лед, постоянная внутренняя противоречивость. Даже самые ярые сторонники “рыночного социализма” в сегодняшних Польше и Венгрии перешли на сторону концепции реального рынка в условиях смешанной экономики. В нашей же стране эти идеи претерпели расцвет в годы горбачевской перестройки, да и сейчас их сторонников пока еще довольно много. Однако растет число и сторонников “народного капитализма”, эффективного, гибкого с четкой социальной ориентацией.

Тем не менее все, что произошло с нами в советские времена, и октябрьский переворот 1917 г., и “военный коммунизм”, и советский тоталитаризм, начиная с 30-х годов, было предвидено и предсказано, как уже говорилось, многими учёными и политическими деятелями, в частности, Г.В.Плехановым. Еще в июле 1917 г. он писал: “Требуемая Лениным диктатура пролетариата и крестьянства была бы большим несчастьем для нашей страны, так как при нынешних условиях она породила бы анархию... Перспектива гражданской войны должна приводить в содрогание каждого сознательного революционера наших дней... Когда сторонники Ленина начинают гражданскую войну, демократическое большинство обязано защищать свою позицию и своё правительство... Проклятие тем, которые начинают гражданскую войну в эту тяжелую для России минуту”⁴².

В мае 1917 г. он писал: “Не во всякое данное время можно перестроить общество на социалистической основе. Социалистический строй предполагает по крайней мере два непременных условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны. Там, где отсутствуют эти два необходимых условия, не может быть и речи об организации социалистического способа производства. Если бы рабочие попытались организовать его при отсутствии указанных условий, то из их попытки не вышло бы ничего хорошего. Им удалось бы организовать только голод... Неизбежным следствием “организации голода” явился бы жестокий экономический кризис, после которого рабочие оказались бы в положении гораздо более невыгодном, чем то, в котором находились они до своей попытки”⁴³.

И теперь по прошествии многих десятилетий, когда реальный социализм отодвинут в угол современной истории, когда он уже практически исчез из современной Европы, потерпел сокрушительное поражение в России, хотя и оставил в ней свои следы, но еще живет в Китае, Северной Корее и на Кубе, следует дать принципиальную оценку предвидению Г.В.Плеханова. Г.Плеханов отмечал у большевиков отход от марксизма, утопизм, ностальгическое стремление к захвату власти, наплевательское отношение к судьбам страны и её народу, анархизм, сектантство, демагогичность и многое, многое другое. Он предупреждал о грядущей катастрофе. И он, а не Ленин и большевики, оказался прав. Он смотрел намного дальше, был мудрее, его прогноз подтвердила сама жизнь.

Итак, та модель хозяйствования, которая была создана в бывшем Советском Союзе, коренным образом отличалась от традиционной рыночной. В отличие от последней, где государство регулирует деятельность хозяйствующих объектов лишь косвенным путём с помощью кредитно-денежной, финансовой политики, социалистическая, точнее сталинская, модель хозяйствования построена на прямом администрировании, жёсткой централизации управления, что лишает хозяйствующие объекты права и возможности решать, что и когда производить, кому и по какой цене продавать.

При капитализме это важнейшее, основанное на частной собственности, право, определяющее свободу выбора предпринимателя, даёт ему явное преимущество перед

⁴² Единство, 5 июля 1917 г.

⁴³ Единство, 20-21 мая 1917 г.

социализмом, так как решение принимается производителями на основе объективных критериев, а не указаний “сверху”, исходя из рыночных сигналов, т.е. учёта интересов потребителей, которые, будучи главным и определяющим участником рыночных отношений, формируют общественно-необходимую полезность и реальную цену произведённых товаров и услуг. Происходит реальное удовлетворение потребностей в сфере производства. При этом, приняв решение производить тот или иной товар, предприниматель добровольно соглашается выполнить все законы, принятые государством, косвенно или даже прямо регулирующие условия его деятельности, т.е. практически в чём-то лишаящих его полной свободы (налоги, стандарты, техника безопасности, экологические нормы и т.д.), но не запрещающих ему выполнять избранный им вид предпринимательской деятельности, конечным результатом которой является прибыль.

Что же касается социализма, то существующая при нём жёсткая регламентация деятельности предприятий, основанная на централизованном планировании и управлении, ведёт к выпуску товаров и услуг, общественно необходимая полезность которых порой лишь в малой степени может быть признана обществом. Следует учесть также, что в связи с присущей социалистической модели хозяйствования высокой степени монополизации, отсутствием внутренней и внешней конкуренции вообще теряются объективные ценности ориентиры для производства продукции. Именно с этим и связан огромный спад производства в России после отмены централизованного планирования и особенно с 1992 г. в период системной трансформации. Реальному спросу многие избыточные производства недавнего социалистического прошлого просто не соответствуют.

Одним из следствий такой модели хозяйствования стало отсутствие при социализме мотивации исполнителей управленческих решений в сфере производства – рабочих и работников администрации. Это неизбежно вело к низкой производительности труда, низкому качеству выпускаемой продукции. Запланированный уровень производства поддерживался политикой “кнута и пряника” в основном за счёт политического и идеологического давления (угроза наказания, лишения каких-либо благ, например, очереди на квартиру, автомобиль, партийные взыскания и т.д.). Именно этим силовым давлением и объясняется в значительной мере тот факт, что социалистическая модель хозяйствования не развалилась раньше и просуществовала более 70 лет.

Модель хозяйствования, созданная в бывшем СССР, имела и адекватную ей систему управления, которая, в свою очередь, базировалась на своего рода управленческой утопии: якобы возможности управлять всем и вся из одного центра. Утопия эта сформировалась, судя по всему, сначала на основе феодальных взглядов и установок на абсолютную власть. Позднее она стала следствием технологического детерминизма, проводящего полную аналогию между человеческим обществом и технической системой. Свой вклад здесь внесла и экономическая кибернетика, использовавшаяся для обоснования усиления централизованного начала в управлении на основе возможностей ЭВМ, подогрева ложной идеи о практической возможности замены рынка искусственной системой так называемого оптимального функционирования экономики (СОФЭ).

Несмотря на регулярно декларируемую вторичность средств, т.е. методов управления, по отношению к целям (повышение благосостояния народа), на деле соотношение между ними было как раз обратным. Тип, способ управления стали фактически самоцелью. Достижение запланированных целей объявлялось возможным не любыми средствами, а на основе вполне конкретной модели централизованного государственного управления. Организационная основа этой системы была скопирована с административных структур старой военно-феодальной России и распространена на все без исключения сферы человеческой деятельности. Для систем такого типа характерно использование линейных структур с резким преобладанием вертикальных отношений (руководство – подчинение) над горизонтальными (сотрудничество). Распределение прав и ответственности на всех уровнях сводилось к концентрации полномочий у вышестоящих звеньев системы, что приводило к несоответствию прав и ответственности прежде всего в основном звене хозяйственной системы, т.е. на производственных предприятиях. Подобный разрыв сковывал, лишал реальных производителей свободы маневра, столь необходимой для эффективной работы.

Важной особенностью такой системы управления является неразвитость свободных аналитических функций и низовых подразделений, их слабая роль в принятии решений. Перегрузка высшего эшелона управления текущими задачами руководства всеми отраслями экономики и иными сферами жизни отодвигает общие и перспективные задачи на второй план. Отсюда отсутствие реальной стратегии социально-экономического развития, непродуманность

многих народнохозяйственных решений, принятых без учёта экологических, социальных, экономических и даже географических факторов.

Система сверхцентрализованного управления уже сама по себе предполагает негибкость и низкую адаптивность к новым задачам и прежде всего к НТП. Жёсткая иерархическая структура с формализованным разделением функций в сочетании с распределением уравнительного типа создаёт организационные и экономические барьеры выдвижению новых идей и их практической реализации. В частности, регламентация процесса создания и внедрения новых технологий и отсутствие рыночных механизмов ставят новатора в зависимость от уже существующих структур, в большинстве своём в этих технологиях не заинтересованных. Особенно пагубна зависимость НТП от командной системы материально-технического снабжения.

Негибкость системы управления при социализме проявляется и в её неспособности к применению программно-целевых методов, требующих гибкого и оперативного взаимодействия всех звеньев управления. Явные неудачи в решении таких чрезвычайных задач, как устранение последствий чернобыльской катастрофы или землетрясения в Армении (эти последствия не устранены и до сих пор), показывают крайне низкую эффективность системы при любых попытках оперативно координировать свои действия, даже при руководстве с самого высшего уровня. В тех случаях, когда программы выполнялись, это происходило на основе создания долговременных линейно-программных структур, идентичных линейно-функциональным (ГлавБАМстрой, Комиссия по Западно-Сибирскому комплексу), действовавших на правах министерств, главков и т.д.

Неэффективность гиперцентрализованной системы управления проявлялась не только при решении новых задач, но и в низкой способности к реализации задач обычных, традиционных. Преобладание властных, административных отношений над экономическими при недостатке прав у исполнителей приводило к низкой исполнительской дисциплине. Отсутствие встроенных экономических стимулов в известной мере компенсировалось механизмами контроля и управления. При этом истинным «нововведением» стало многократное дублирование структур власти и контроля, особенно в экономике. Наряду с ведомственным руководством и контролем каждое предприятие руководилось партийными и региональными властями, контролировалось партийным и народным контролем, подразделениями КГБ, МВД, ЦСУ, Минфина, Госбанка, различными инспекциями и т.д. Число различных субъектов руководства и контроля над каждым предприятием могло составить более десятка. Вместе с тем такое обилие контроля побуждало предприятия к уменьшению собственной меры ответственности, к делегированию её вышестоящим органам власти, что способствовало лишь возрастанию степени неуправляемости.

Ход развития концепций и практики хозяйствования в странах с рыночной экономикой за последние 50 лет свидетельствует о том, что идея централизованного управления непродуктивна не только на макроэкономическом, но и на фирменном уровне. Реорганизации, проводимые в рамках американских, западноевропейских и японских корпораций, неизменно преследовали цели повышения самостоятельности и ответственности филиалов, отделений и предприятий, разгрузки общефирменного уровня, принятия решений, вытекающих из текущих, оперативных задач, перехода от отношений иерархического типа к партнерским.

Аналогичные тенденции прослеживаются и на уровне предприятий, цехов и даже участков. Опыт самостоятельных сборочных бригад, зародившийся на шведской фирме «Вольво» и получивший распространение во многих странах, движение «кружков качества», появившееся в Японии и охватившее весь промышленно развитый мир, ряд других не менее важных новаций сводятся главным образом к отказу от жёсткого распределения функций и заданий. Условия работы бригад, групп, цехов, предприятий, лабораторий и других подразделений крупных фирм намеренно делаются приближёнными к условиям работы индивидуальных предпринимателей, мелких и средних фирм. Дается максимум самостоятельности в выборе средств и методов достижения поставленных целей, в то время как круг задаваемых сверху показателей сужается до минимума.

Подобные тенденции неразрывно связаны с НТП, ведут к диверсификации рынка, увеличению ассортимента выпускаемой продукции, появлению большого числа специализированных компаний и расширению специализации существующих. Экономика становится всё более сложным объектом для управления как на макро-, так и на микроуровне. В связи с этим появилась тенденция к ограничению круга регулируемых сверху параметров разумным минимумом как в случае отношений государства с бизнесом в целом, так и в случае отношений фирм с собственными отделениями и предприятиями. В обоих случаях отношения «верх – низ» постепенно приобретают характер партнёрства, обмена услугами.

Всё сказанное говорит о том, что отставание от стран с рыночной экономикой и крах социализма были заранее запрограммированы неверным выбором как модели хозяйствования, так и системы управления. Этот выбор противопоставил социализм всем новациям в области управления, современным тенденциям ускорения и обогащения НТП. Поиск путей эффективности возможен лишь на основе отхода от тупиковой модели, на путях развития демократии и рыночной экономики, разработки новой модели хозяйствования и управления с учётом реальных тенденций развития мировой экономики, современного НТП.

Великий тоталитарный Советский Союз мог построить гигантскую по своим размерам экономику, создать мировую социалистическую систему, победить в великой войне могучую тоталитарную фашистскую Германию. Но он не сумел выжить в мирном экономическом соревновании с Западом, не достиг необходимого уровня эффективности производства и жизни для советских людей, не проявил способности к восприятию не только всего нового, но и просто нормальной мирной жизни. Лишь в условиях войн, социальных переворотов и иных чрезвычайных обстоятельств он мог быстро концентрировать в одной крепкой руке все свои силы и ресурсы и достигать задаваемых результатов. Но с уходом или прекращением действия чрезвычайных обстоятельств неизбежно наступали застой и серость. Историческая несостоятельность СМЭ, глубинная экономическая несостоятельность самого строя “реального социализма”, в конце концов, взяли верх.